

чальства, о чемъ и напечатать въ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ къ свѣдѣнію и для примѣра другимъ. Объявить также одобреніе и священнику Ласточкину, успѣвшему въ столь краткое время службы въ Ташевкѣ такъ довольно сдѣлать для благоустройства и церкви и причта при самомъ ограниченномъ числѣ прихожанъ и скудости ихъ средствъ, и имѣть это въ виду въ свое время при сужденіи о наградахъ духовныхъ лицъ. Во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства консисторія постановила: О преподаніи Божія благословенія и объ объявленіи благодарности епархіальнаго начальства прихожанамъ села Ташевки и церковному старостѣ за ихъ примѣрную заботливость о возможномъ обезпеченіи причта своей церкви устройствомъ для онаго приличнаго помѣщенія на свои средства, напечатать въ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ къ свѣдѣнію и для примѣра другимъ.

СОВРЕМЕННЫЕ ОСТАТКИ ЯЗЫЧЕСКИХЪ ОБЯДОВЪ

И

религіозныхъ вѣрованій у чувашъ.

Всѣ изслѣдователи жизни чувашскаго народа единогласно говорятъ о быстромъ измѣненіи чувашскихъ вѣрованій и уничтоженіи ихъ древнихъ религіозныхъ обрядовъ. Особенно наглядно показываетъ это знатокъ чувашъ В. Сбоевъ. Посѣтивши чувашъ лѣтъ черезъ 25, послѣ своего перваго знакомства съ ними, онъ былъ пріятно изумленъ быстрой переменною, произшедшею въ это время въ чувашахъ. Въ своемъ сочиненіи о чувашахъ ⁽¹⁾ онъ говоритъ: „Черты, въ которыхъ преимущественно обнаруживалась дикость, варварство, грубость чувашъ, теперь или совершенно сглади-

⁽¹⁾ Чуваша въ бытовомъ, историческомъ и религіозномъ отношеніяхъ. Москва, 1865 года.

лись, или видимо сглаживаются. Къ прежнимъ религіознымъ вѣрованіямъ они питають отвращеніе и презрѣніе и даже стыдятся говорить о нихъ. Священныя роци (керемети) всѣ повьрублены, такъ что и слѣдовъ ихъ не осталось. Не то было назадъ тому лѣтъ 25 (т. е. отъ настоящаго времени лѣтъ за 40 и больше). Керемети существовали тогда въ каждомъ почти селѣ и въ нихъ открыто приносились языческія жертвы. Чуваши хромали на обѣ плеснѣ и глезнѣ, были плохими язычниками и весьма плохими христианами“. Но если такое быстрое превращеніе случилось съ чувашиами въ 25 лѣтъ второй четверти настоящаго столѣтія, то что будетъ съ ними чрезъ новыя 25 лѣтъ, когда свѣтъ образованія, для котораго нынѣ заботливымъ начальствомъ казанскаго учебнаго округа положены прочныя основы, еще болѣе проникнетъ въ чувашскій народъ? Да, тогда по всей вѣроятности, и современныя чувашскія народныя вѣрованія сдѣлаются предметомъ археологическихъ изысканій. Сознаніе этой легкой возможности почти безслѣдно утратиться современнымъ остаткамъ языческихъ вѣрованій и религіозныхъ обрядовъ чувашъ побудило меня сдѣлать краткій очеркъ ихъ на основаніи письменныхъ сообщеній моихъ учениковъ изъ чувашъ, воспитанниковъ казанской учительской семинаріи, которые по моему предложенію писали на заданныя темы только о вѣрованіяхъ и обрядахъ извѣстныхъ для нихъ чрезъ устную передачу, или по ихъ собственному наблюденію.

Чтобы быть точнымъ я постараюсь почаще приводить слова подлинниковъ.

Прежде всего надобно замѣтить, что наши авторы, подобно другимъ заявляютъ, что чуваши почти ничего не знаютъ о прежнихъ своихъ богахъ, особенно о высшихъ, напр. о богахъ неба (тора), солнца (хвель), луны и другихъ божествахъ. По заявленію П., чуваши мало знаютъ даже о низшихъ богахъ, напр. о живущихъ въ лѣсахъ, водахъ, пещерахъ. О нихъ теперь почти забыли. Развѣ старики знаютъ о нихъ кое что. Теперь въ нихъ почти никто не вѣритъ, а потому и не обращаютъ на нихъ никакого вниманія. Тѣмъ не менѣе низшіе языческіе чувашскіе боги: домовые, полевые, водяные, лѣсные и друг. бытовые боги еще наводятъ смутный страхъ на чувашъ. Всѣ они считаются покровителями

разныхъ мѣстъ и занятій. Поэтому чуваши умилостивляютъ своихъ языческихъ боговъ разными жертвоприношеніями, которыя совершаются дома постоянно и въ особенныя опредѣленныя времена цѣлымъ обществомъ въ поляхъ, хотя иногда почти безъ всякаго пониманія, а единственно по укоренившейся привычкѣ. Совершеніе общественныхъ жертвоприношеній или вообще моленій и обрядовъ приурочивается по преимуществу къ разнымъ христіанскимъ праздникамъ.

О богахъ домовыхъ.

Чаще всѣхъ другихъ боговъ въ представленіи чувашъ рисуется а) чувашскій *домовой* (*хартъ сотъ, хёртъ сёртъ*), далеко не то, что русскій домовой—солидный, добрый старичина, который—хозяинъ дома, знаетъ, о чемъ болѣе всего должно порадоваться въ дому своемъ, напр. о скотѣ. Но чувашскому домовому до домашнихъ животныхъ нѣтъ дѣла. Онъ ухаживаетъ только за домомъ и потому его образъ болѣе женственный, хотя онъ представляется низенькимъ старикомъ, постоянно живущимъ на печкѣ. Одѣтъ онъ въ бѣлую одежду. По вечерамъ онъ слѣзаетъ съ печки и ходитъ по комнатѣ, осматривая чиста-ли и опрокинута-ли посуда; если не чиста, то онъ моетъ её и опрокидываетъ ⁽¹⁾. Если въ домѣ есть больной, то онъ, сидя у головы больного, цѣлыя ночи проводитъ съ нимъ, подаетъ больному пить, одѣваетъ его и т. п. Не менѣе онъ ухаживаетъ и за маленькими: ночью онъ качаетъ ихъ въ зыбкѣ, днемъ же, когда маленькіе остаются одни, онъ забавляетъ ихъ разными играми. „Однажды, рассказываетъ Б., мои родители (живущіе въ буинскомъ уѣздѣ симбир. губер.), оставивши въ избѣ однихъ маленькихъ, отправились на гумно мо-

(1) Русскій домовой никогда не представляется такъ унижающимся. Онъ какъ набольшій въ домѣ представляется дѣлающимъ только то, что дѣлаетъ хозяинъ въ домѣ, а не хозяйка. Вѣроятно чувашское воображеніе болѣе долго работало надъ созданіемъ домовыхъ, и потому такъ строго выработало представленіе о немъ, какъ специально домовомъ духѣ. он

лотить. Когда они пришли обѣдать, то около маленьких увидѣли какого-то старика, который вдругъ обратился въ мѣдный пятакъ и покатился въ подпечѣѣ“.

Если хозяинъ дома придетъ выпивши, то домовый встрѣчаетъ его. Хозяинъ, входя въ домъ, благодаритъ домового, говоря: товъ весе хорцуть (благодарю домового за угощеніе). Вообще домовый за всѣми ухаживаетъ, кромѣ кошки, которую онъ такъ не любитъ, что постоянно её сбрасываетъ съ печки. Случается, выходитъ домовый на дворъ, гдѣ осматриваетъ скотину и даетъ ей кормъ. Изъ всей скотины онъ любитъ особенно лошадь, которую, онъ водитъ поить къ колодцу, держа её за гриву, отчего грива у ней запутывается. Но это бываетъ рѣдко, потому что, какъ говорить П. „домовому нѣтъ дѣла до животныхъ. Онъ ухаживаетъ за домомъ, заботится о стѣстныхъ принасахъ, прядетъ“. К. прямо называетъ домовыхъ женщинами (хирты соть). „По мнѣнію чувашъ, говоритъ К., домовыя ночью встаютъ съ печекъ и прядутъ пряжу. Женщины чувашки совѣтуютъ дѣвушкамъ, въ особенности своимъ дочерямъ, вставать пораньше, чтобы хотя немного попрясть вмѣстѣ съ домовою. По мнѣнію ихъ, у той дѣвушки, которая имѣла счастье попрясть вмѣстѣ съ домовою, всѣ дѣла пойдутъ успѣшно, а въ особенности пряденіе. Но только нужно вставать возможно осторожнѣе, чтобы домовая не услышала. Если она услышитъ, то перестанетъ прясть и толку никакого не будетъ, даже будетъ хуже, т. е. послѣ этого всѣ дѣла пойдутъ медленнѣе прежняго. Лечь нужно такимъ же образомъ, точь-вточь, т. е. тихонько. Домовыя, по представленію чувашъ, любятъ переселяться изъ одного дома въ другой, подобно выходу дѣвушекъ за мужъ, что случается, когда хозяинъ огорчаетъ её какимъ нибудь непріятнымъ для нея поступкомъ. Домовыя также любятъ приглашенія на жительство. Когда чувашъ, не имѣвшій прежде своего дома, выстроитъ себѣ домъ, то идетъ къ сосѣду какъ-бы поговорить съ нимъ кой о чемъ, или посоветоваться, а между тѣмъ тихонько различными знаками приглашаетъ къ себѣ его домовую, т. е., иначе говоря, онъ старается украсть домовую. Чуваша крадутъ домовыхъ другъ у друга потому, что безъ нея никакъ нельзя жить, по ихъ мнѣнію. Они говорятъ: „если въ какомъ нибудь до-

мѣ не будетъ домовою, то въ этомъ домѣ тотчасъ же пойдутъ безпорядки“. Поэтому какъ только чувашинъ почувствуетъ, что дѣла его идутъ не своимъ порядкомъ, то сейчасъ же представляетъ, что кто-нибудь, навѣрно укралъ у него домовую, поэтому и онъ старается украсть у кого нибудь домовую. Чтобы не разгнѣвать домовыхъ своими противными для нихъ дѣлами, чувашинъ всячески старается задобрить ихъ.

Когда къ кому нибудь прїѣдетъ родственникъ и привезетъ гостинецъ, то чуваша сначала отламываютъ отъ этого гостинца часть домовою и бросаютъ на печку и потомъ уже ѣдятъ сами. У чувашъ есть еще такой обычай, что молодушка не смѣетъ идти въ сосѣдній домъ, по крайней мѣрѣ цѣлый годъ, если еѣ не пригласятъ въ первый разъ, поэтому чуваша стараются пригласить молодушку въ гости поскорѣе. Вошедши въ избу сосѣда, молодушка прежде всего даетъ честь домовымъ извѣстнымъ образомъ, а потомъ уже здороваются съ семьею этого дома.

Иногда чуваша приносятъ домовою особенную жертву, которая состоитъ изъ каши, лепешекъ и юсманъ (тоже лепешка, но только чрезвычайно тонкая). Мѣстомъ жертвоприношенія служитъ предпечье. (К.) Для этого жертвоприношенія собирается все семейство. Старикъ въ семействѣ кладетъ подъ мышку шапку, какъ и всегда; въ одну руку беретъ котелъ съ кашей, а въ другую чашку съ лепешкой и молится, прочіе же все стоятъ на ногахъ. По окончаніи молитвы въ каждый уголъ дома кидаютъ по ложкѣ каши домовому (1).—Потомъ все садятся за столъ и ѣдятъ оставшуюся кашу, при чемъ стараются молчать, чтобы не осердился домовою. Такъ совершается жертвоприношеніе домовому у чувашъ симбирской губер. (Б) Въ иныхъ мѣстахъ жертвоприношеніе домовому совершается нѣсколько иначе. Напр. въ казанской губерніи такъ: сначала сварятъ кашу и испекутъ лепешки, потомъ предъ шесткомъ ставятъ столъ, на столѣ поставляютъ кашу въ чашкѣ, а въ

---

(1) Изъ это видно, что домовою живеть не только на печкѣ, но и въ углахъ дома (Б).

кашу по краямъ чашки втыкають столько ложекъ, сколько въ семьѣ душъ; на кашу кладуть одну лепешку. Старшій въ семьѣ (дѣдушка или бабушка) встаетъ между столомъ и шесткомъ и, взявъ въ руку чашку съ кашей и лепешкой, начинаетъ молиться домовому за все семейство, читаетъ въ слухъ молитву; а всѣ семейные сидятъ по обоимъ концамъ стола и со вниманіемъ слушаютъ молитву, читаемую старшимъ. Содержаніе молитвы состоитъ въ томъ, что испрашивается, чтобы не только не умирали члены семейства, а напротивъ, чтобы увеличилось число ихъ. По окончаніи молитвы старшій отрѣзаетъ кусокъ лепешки, на него кладетъ не много каши и кидаетъ все это на печку домовому. При этомъ надо замѣтить, что это моленіе совершается ночью и предъ совершеніемъ этого моленія дверь запирается, чтобы изъ постороннихъ людей не могъ никто войти въ это время въ домъ.

Кромѣ домового въ каждомъ домѣ (говорять чуваши) есть еще *домовыя лягушка* и *змѣя*; первая изъ нихъ живетъ въ подпольѣ, а вторая на задней части двора. Эти домовыя духи считаются самыми полезными для дома, такъ что будто-бы безъ нихъ не можетъ существовать домъ, поэтому когда переселяются въ новый домъ, то ихъ всячески просятъ, умоляютъ перейти въ новый домъ, а въ новомъ домѣ ихъ встрѣчаютъ съ кашей и лепешками. Есть еще б) *домовой злой (Войкънъ или Ахъ)*, составляющій нѣкотораго рода противоположность доброму домовому. Какъ добрый домовый заботится о прибыли всего, увеличиваетъ все въ домѣ и его пребываніе въ домѣ доставляетъ счастье дому, такъ напротивъ злой Войкънъ все истребляетъ въ домѣ, поэтому его пребываніе въ домѣ считается величайшимъ горемъ. Оба домовые не могутъ жить въ одномъ домѣ, какъ непримиримые противники ⁽¹⁾. Прожорливый, жадный Войкънъ раззоряетъ домъ. Онъ въ особенности истребляетъ съѣстные припасы, потому и имя ему Войкънъ, что значить жадный, прожорливый; въ томъ домѣ, въ которомъ

---

(1) Здѣсь дуализмъ древнихъ чувашскихъ вѣрованій остался ясно замѣтнымъ.

живетъ Войкънъ, скоро истощаются всё жизненные припасы и онъ постепенно бѣднѣетъ и, въ концѣ концовъ, все приходитъ въ полный беспорядокъ и нищету.

Къ счастью Войкънъ живетъ не во всёхъ домахъ, а добрый домовой (Хѣртъ Сѣртъ) почти во всёхъ, потому что Войкъна отовсюду выгоняютъ, Хѣртъ Сѣртъ напротивъ, усердно зазываютъ. Записанъ слѣдующій рассказъ, передающийся у чувашъ.

Когда-то, въ одной деревнѣ жили два сосѣда, Василий да Иванъ; Василий былъ богатъ, а Иванъ бѣденъ. Какъ бѣдный Иванъ ни работалъ, какъ ни старался, все онъ оставался бѣденъ. У него была жена. Вотъ, Иванъ, видя что ему въ своей деревнѣ не дожидаться счастья, однажды вздумалъ съ женою убѣжать рано утромъ. Только что они вышли изъ деревни, Иванъ вспомнилъ о топорѣ, который остался въ избѣ у двери, и пошелъ за нимъ. Пришелъ онъ на дворъ и видитъ изъ избы чрезъ окно огонь виднѣется. Иванъ удивился, потому что въ избѣ не оставалось ничего. Отворилъ онъ дверь и видитъ, какъ какой-то человекъ зажегъ лучину, сѣлъ на стулъ и сталъ обуваться. Иванъ взявъ топоръ, спряталъ его за спину и подойдя къ незнакомцу спросилъ его: „ты кто, зачѣмъ здѣсь?“—Тотъ отвѣчалъ: „я твой Войкънъ и хочу съ тобой убѣжать отсюда. Тогда Иванъ убилъ Войкъна топоромъ и, уложивши его въ гробъ, схоронилъ у опушки лѣса, и остался жить въ томъ же домѣ. Чрезъ нѣсколько времени Иванъ съ женою зажили отлично, — у нихъ было все, что нужно и даже скоро разбогатѣли.

Сосѣдъ Ивана Василий смотритъ на житье Ивана и дивуется. Однажды Иванъ позвалъ къ себѣ Василю въ гости. Василий все спрашивалъ Ивана, отчего онъ сталъ богатъ. Иванъ рассказалъ все Василю и сказалъ, гдѣ онъ похоронилъ Войкъна. Василю было завидно, что Иванъ такъ скоро разбогатѣлъ и потому взялъ топоръ въ руки, пошелъ и вырылъ Войкъна изъ земли. Какъ только онъ открылъ гробъ, вдругъ Войкънъ выскочилъ изъ гроба и воскликнулъ: „спасибо тебѣ мой другъ, что ты спасъ меня, теперь я пойду съ тобою!“ „Какъ! закричалъ Василий: я тебя спасъ и меня ты долженъ слушаться, ты иди къ Ивану, а не со мной“. — „Нѣтъ, къ нему я не пойду, сказалъ Войкънъ,

потому что онъ меня опять убьетъ; ты меня спась, къ тебѣ я пойду“. Какъ Василій ни уговаривалъ Войкъна идти къ Ивану, онъ все-таки пошелъ за Василюмъ. И такимъ образомъ Василій вырвалъ Войкъна на свою бѣду, потому что чрезъ нѣсколько времени изъ богатаго онъ сдѣлался почти нищимъ, а Иванъ все богатѣль (1).

Войкънъ называется еще Ахъ, отъ междометія, ахъ!, потому что люди того семейства, въ которомъ живетъ Войкънъ все ахаютъ, да охаютъ отъ постоянныхъ несчастій.

Войкънъ явился оттого, говоритъ П. въ концѣ своего разсказа о Войкънѣ, что народъ хотѣлъ уяснить въ этомъ себѣ: отчего одно семейство живетъ счастливо, а другое бѣдно, хотя члены того и другаго семейства работаютъ одинаково усердно. Эта необъяснимая причина и заставила ихъ подумать, будто въ счастливомъ семействѣ живетъ добрый духъ Хёртъ Сёртъ, а въ несчастномъ семействѣ Войкънъ.

г) Къ Войкъну близко подходитъ богъ или духъ болъзней— *Ийрихъ* и Вапаръ, который давитъ ночью. Чувашскій домовый никогда не давить.

Боги животныхъ.

д) Къ домовымъ духамъ или богамъ язычниковъ чувашъ можно отнести еще боговъ животныхъ (*Корда Пусъ или Корда Посъ*—глаза животныхъ).

Корда Пусъ сѣдой старикъ постоянно печется о скотѣ, чтобы ему хорошо жилось и чтобы скотъ размножался и не былъ похищаемъ звѣрями. Онъ представляется живущимъ въ хлѣбахъ, куда ему приносятъ и жертву, состоящую изъ каши и лепешекъ-юсьнановъ. Кашу приносятъ не въ чашкѣ, какъ домовому, а въ котлѣ. Моленіе въ честь *Корда Пусъ*, какъ моленіе въ честь домового, бываетъ зимою послѣ праздника Рождества Христова и состоитъ въ томъ, что въ

(1) Этотъ поучительный разсказъ составилъ, очевидно, подъ влияніемъ христіанства, съ принятіемъ котораго чуваша должны похоронить своихъ прежнихъ ненавистныхъ и безсильныхъ боговъ.

хлѣву всё семейные обращаются къ востоку и самый старшій въ семьѣ, положивъ шапку подъ лѣвую мышку, начинаетъ молиться говоря: „саня Карда-Пось сѣнѣ пѣт пьсерсе пуси порпр, пирѣнѣ вы лѣусете тѣ летьер хваспор, т. е. тебѣ Корда-Пось (глаза животныхъ) мы молимся, ты нашихъ животныхъ размножай“ (М). Иногда разводять въ хлѣву огонь и старшій въ родѣ, молясь кладетъ часть каши въ огонь и бросаетъ кусочки юсьмановъ; остатки же съѣдаются всею семьею съ обращеніемъ къ Корда Пусь.

е., ж.) Между богами, покровителями животныхъ, есть еще специальные покровители отдѣльных родовъ и видовъ животныхъ: *Пирешти* — покровитель лошадей и *Пигамбаръ* — покровитель волковъ (1).

Пирешти, по представленію Чувашъ, есть старикъ, весь съ головы до ногъ обросшій волосами. Онъ смотритъ за лошадьми: кормитъ ихъ, ласкаетъ, гладитъ, заплетаетъ имъ гривы въ косы и проч. Чуваша говорятъ, что Пирешти любить не всѣхъ лошадей, а только тѣхъ, которыя имѣютъ одну масть съ нимъ. Если въ конюшнѣ находятся лошади разныхъ мастей, то Пирешти отдаетъ весь кормъ лошади своей масти, отнимая его у прочихъ лошадей, которыхъ онъ бьетъ не милосердно, такъ что въ страхѣ онѣ забиваются въ колоды, подъ колоды и ясли. Пирешти живутъ во всѣхъ конюшняхъ, такъ что нѣтъ ни одной конюшни, гдѣ-бы не было Пирешти. Къ нѣкотораго рода охранителямъ домашнего хозяйства относится *Пигамбаръ* — покровитель волковъ. Онъ имѣетъ, какъ говорятъ чуваша, образъ волка, но только больше и сильнѣе волка; у него цвѣтъ шерсти бѣлый. Пигамбаръ начальствуетъ надъ волками, наблюдаетъ, чтобы они жили между собою согласно, назначаетъ имъ, что они могутъ съѣсть каждый день. Пигамбаръ никогда не ходитъ одинъ; его всегда сопровождаютъ волки, число которыхъ не бываетъ менѣе двадцати. При своемъ начальникѣ волки никого не трогаютъ, особенно людей (II).

---

(1) Удивительно совпаденіе названія у чувашъ бога волковъ и по магометански пророка Мухаммеда. Не выражается-ли тутъ нѣкоторое, давно сложившееся, отношеніе чувашъ къ магометанству?

О богахъ или духахъ полевыхъ, лѣсныхъ и водяныхъ.

За богами покровителями и страшилищами дома и всего находящагося въ домѣ особенно поработала фантазія чувашъ надъ богами полей и вообще всего относящагося сюда: обработки полей, хлѣбопашества.

а) *Богъ или духъ, поля, закона*—(Анна Турры или Ой Турры). Онъ смотритъ за хлѣбомъ, во время его роста, очищаетъ его отъ негодныхъ травъ, отъ сору; напр. не допускаетъ на него животныхъ и проч. Чуваша говорятъ, что Анна Турры только въ такомъ случаѣ будетъ смотрѣть за хлѣбами, если хозяинъ хлѣбовъ будетъ посѣщать ихъ, и такимъ образомъ увидитъ труды Анна Турры и поблагодаритъ его за труды; если же хозяинъ хлѣбовъ будетъ лѣнтяй и не будетъ обращать вниманія на труды Анна Турры, то послѣдній перестанетъ смотрѣть за его хлѣбами. Моленія въ честь полевыхъ боговъ бывають очень рѣдко (черезъ 10 или 15 лѣтъ) и совершаются избраннѣйшими знахарями ворожейками, которые молятся за всѣхъ, прося у Ой Турры о дарованіи имъ хорошаго урожая во всѣ послѣдующіе годы. Бываетъ небольшое моленіе въ честь боговъ поля еще каждодовно весной, когда въ первый разъ выходятъ Чуваша сѣять яровой хлѣбъ. Тогда Чуваша выносятъ въ поле печенныя куриныя яйца, которыя называются: вѣрла смардѣй (М.).

б) *Богъ или духъ лѣсовъ* (Вѣрмане Амынь—мать лѣсовъ, или просто лѣшій). „Объ лѣшемъ въ подробности я не знаю, но все таки слышалъ кое что, пишетъ Т., годовъ пять тому назадъ, крещенный чувашонинъ. По разсказу чувашъ лѣшій имѣетъ образъ челоуѣка, но только они представляютъ его въ видѣ великана. Разсказываютъ, будто лѣшій схвативши руками два дерева, ударяетъ ихъ одно объ другое, отчего зайцы пугаются и перескакиваютъ съ одного мѣста на другое, поэтому чуваша говорятъ: нынѣ мало зайцевъ въ лѣсу; ихъ угналъ лѣшій. Они думаютъ также будто лѣшій уводитъ иногда даже людей“.

Съ почитаніемъ боговъ или духовъ лѣсныхъ въ древности у чувашъ соединялось почитаніе особенныхъ священныхъ рощъ, дубравъ, старыхъ деревьевъ дуплистыхъ, которыя

одухотворялись и обожались. Но нынѣ всѣ эти низшіе боги фетишизма (керемети) уже мало внушаютъ страха чувашамъ, особенно христіанамъ, тѣмъ болѣе, что кереметей, въ видѣ роцъ почти не стало (1), поэтому мои ученики не хотятъ даже включать кереметей въ число боговъ чувашскихъ, хотя-бы древнихъ. „Водяныхъ боговъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ у чувашъ, а только чувашами олицетворяется самая вода“, пишетъ М. По вѣрованію чувашъ, если станешь пить воду въ какой нибудь чужой сторонѣ, то она можетъ причинять различныя болѣзни, преимущественно чахотку. Для того, чтобы вылечиться отъ этой болѣзни, чуваша покупаютъ гусей или утокъ (отъ 3—4), рѣжутъ ихъ, варятъ и стѣдуютъ, а кости ихъ, крылья и ноги относятъ къ тому самому мѣсту, гдѣ захворавшій пилъ воду. Но если захворавшему не на что купить гуся, или утку, то онъ взамѣнъ этого покупаетъ калачъ и относитъ его съ однимъ яйцомъ къ тому мѣсту, гдѣ пилъ воду, отъ которой ему кажется онъ захворалъ, и въ другія ближайшія воды: въ колодцы, озера, рѣчки и пруды бросаетъ по нѣсколько яицъ съ мукой или съ солодомъ (М.). Что касается до олицетворенія водъ, то они представляются въ извѣстныхъ русалкахъ, которыя по чувашски называются *Вутши*. Чуваша Вутши представляютъ въ образѣ молодой, красивой дѣвицы, у которой волосы всегда бываютъ длинные. Чуваша разказываютъ о русалкахъ, будто онѣ по временамъ выходятъ на берегъ и расчесываютъ свои волосы. Когда русалка замѣтитъ, что къ ней подходитъ какой нибудь человѣкъ, то тотчасъ же она ныряетъ въ воду. Есть еще преданіе, будто одинъ человѣкъ, чистопольскаго уѣзда, Ново-Адамской волости, деревни Старо-Савруши, замѣтивши на берегу русалку, расчесывавшую свои волосы, подошелъ къ ней, но русалка быстро нырнула

(1) Смотр. Чувашскій Словарь Золотн. стр. 259—260. Здѣсь между прочимъ говорится, что теперь вмѣсто деревъ бросаютъ жертвен. хлѣбъ предъ (христ.) храмами (168 стр.) и что христіанскія иконы считаютъ Торами, которыя видятъ и слышатъ, почему чуваша, вкушая въ постный день скоромное, поворачиваютъ иконы ликами къ стѣнѣ (152 стр.).

въ воду и оставила на берегу расческу или гребень. Тотъ человѣкъ увидаль расческу и взялъ её. Вспомнивши про забытую расческу, русалка вышла изъ воды и стала просить её, тотъ сказалъ ей: „если ты выйдешь за меня за мужъ, тоя возвращу тебѣ твою расческу; русалка согласилась на это предложеніе и вышла за него за мужъ. Они жили вмѣстѣ долго и оставили дѣтей, которые до сего времени называются потомками русалки. Чуваши говорятъ, что эта исторія дѣйствительная (Т.).

Объ утопленникахъ чуваши говорятъ, что они живутъ въ водѣ и могутъ посылать на человѣка разныя несчастія и бѣдствія, поэтому чуваши бросаютъ имъ въ воду хлѣбъ и сыплютъ муку, думая, что послѣ этого души утопленниковъ сдѣлаются милостивѣе и не станутъ посылать разныхъ бѣдствій (Т.).

Кромѣ указанныхъ боговъ у чувашъ было много другихъ боговъ, но о нихъ теперь почти не имѣется никакихъ опредѣленныхъ представленій. Языческія чувашскія представленія быстро сливаются съ христіанскими понятіями, которыя въ темной массѣ воспринимаются довольно оригинально, такъ что напримѣръ мирликійскій святитель и чудотворецъ Николай представляется имъ однимъ изъ боговъ (Торою) и въ этомъ родѣ есть молитвы ему (1).

Но какъ, въ какомъ видѣ христіанскія понятія вошли въ чувашскія представленія, на сколько примѣшались къ нимъ остатки языческихъ вѣрованій, это особенно легко можетъ быть наблюдаемо въ разныхъ сохранившихся доселѣ, языческихъ обрядахъ, соблюдающихся при совершеніи разныхъ моленій, которыми сопровождаются всѣ важнѣйшія моменты или случаи человѣческой жизни, во всѣ важнѣйшія времена года, черезъ различные праздники. Что касается космогоническихъ преданій, то чуваши вообще почти ничего не знаютъ о началѣ міра, о происхожденіи человѣка, а современные чуваши-язычники въ особенности не имѣютъ никакихъ представленій космогоническихъ. Тѣмъ не менѣе рожденіе считается даромъ боговъ, поэтому рожденіе и вѣнчаніе обстав-

(1) Смотр. Чувашско-Русскій Словарь Золотв. 167 стр.

ляются совершеніемъ многихъ, различныхъ религіозныхъ обрядностей, которыми завѣдуютъ спеціалисты этихъ дѣлъ, знахари и знахарки (*Томзы*), которые заговорами ⁽¹⁾ отгоняютъ дурной глазъ, лечатъ.

Свящ. Н. Каменскій.

(Продолженіе будетъ).

РѢЧЬ

воспитанникамъ московской духовной семинаріи, произнесенная преосвященнымъ Амвросіемъ, епископомъ Дмитровскимъ ⁽²⁾.

Любезные юноши!

Въ молодости всѣ мы любимъ уноситься мыслию за предѣлы школы, въ жизнь общественную, отыскивая себѣ въ шумной толпѣ людской мѣсто для дѣятельности и рисуя въ мечтахъ яркими красками счастливую будущность. Вы знаете, что это значитъ—создавать себѣ идеалы предстоящей общественной жизни и дѣятельности. Знаете также, что подъ вліяніемъ господствующихъ идей нашего вѣка эти идеалы у большинства молодыхъ людей не поднимаются высоко надъ землей и облакаются большею частію въ представленія

(1) Сравни. Словарь Золотн. стран. 177—179, 186—187, гдѣ между прочимъ записанъ заговоръ отъ глазиванія, переданный ученикомъ учительской семинаріи,

(2) 8 сего ноября послѣ годичнаго акта моск. семинаріи.